

Цзи Саньмэй задрал голову и, заворожённо глядя на подбородок Шэнь Фаши, позволил мыслям свернуть в дурную сторону и снова принялся городить чушь: «Обнимать их — лучше обнять Сина и спать».

Он, похрюкивая, перевернулся, пытаясь найти живот Шэнь Фаши, чтобы приложиться лбом, но обнял нечто стройное и длинное.

Выбрав удачную опору, Цзи Саньмэй уже собрался удовлетворённо прижать к себе бедро Шэнь Фаши, как тот мягко оттолкнул его. Бессильный и тщедушный, мальчик с глухим стуком отлетел к дверному косяку, и дверь с лязгом громко хлопнула в ночной тишине.

Шэнь Фаши вздрогнул и тут же спросил: «Не больно?»

Цзи Саньмэй утратил способность соображать и чувствовать боль, лишь растерянно заморгал, отыскивая источник звука.

Увидев это, Шэнь Фаши успокоился.

Он собирался найти Цзи Саньмэй, как только закончит со счетоводными книгами, но, подняв голову, обнаружил, что уже почти полночь. Жаль, что мальчишка всё это время ждал его снаружи.

Шэнь Фаши присел на корточки, оказавшись на уровне расфокусированного взгляда Цзи Саньмэя. Осторожно уперев правую руку в косяк возле уха мальчика, он левой ладонью приподнял его лицо, безмянным пальцем и мизинцем отогнул прядь волос у виска и аккуратно заправил её за ухо.

Он поддразнил сонного мальчишку: «У тебя нет ко мне вопросов?»

«Не сегодня, завтра спрошу...»

Сдержать порыв клонуть его в щёчку было трудно. Шэнь Фаши, переведя дух, мягко спросил: «А где ключ?»

Он отлично видел, что ключ висит у Цзи Саньмэя на шее.

Но обычно сообразительный Цзи Саньмэй напрочь забыл об этой важной детали. В полудрёме он поворачивал шею, разыскивая ключ на полу, а потом, решив, что вертеть головой утомительно, просто склонил её на правую ладонь Шэнь Фаши и доверчиво потёрся щекой.

Шэнь Фаши: «...»

Эта картина невольно напомнила ему, как Цзи Саньмэй напился в свой восемнадцатый день рождения...

Горло у него сжалось. Он не смел больше смотреть на семилетнего Цзи Саньмэя и протянул правую руку к дверному замку.

С лязгом тяжёлый медный замок весом в пять цзиней и толщиной более четырёх цуней был сорван Шэнь Фаши голыми руками.

Цзи Саньмэй вздрогнул от неожиданности и едва успел приподнять ослабевшую шею, как Шэнь Фаши подхватил его на руки и шагнул в келью.

Уложив малыша на ложе и укрыв одеялом, Шэнь Фаши подобрал расколовшийся надвое медный замок и поспешно удалился.

Ему срочно требовалось в омовальню.

В наполненной паром омовальне девиз «чистое сердце и малое вожделение» витал в воздухе, а Шэнь Фаши, возлежа в купели, задыхаясь, поднял голову из-за разведённых бёдер и откинул затылок на каменный край.

В туманной купели тростник шумел густой стеной, а белая роса сверкала инеем.

Шэнь Фаши никогда не называл себя благородным мужем, но даже ему казалось, что в этот день он вёл себя по-скотски.

Выйдя из омовальни, Шэнь Фаши не стал облачаться в монашеские одеяния, а лишь накинул просторную рубаху до колен, даже не застёгивая её, и неспешно проследовал в главную келью.

И там он обнаружил под одеялом на своём ложе выпуклость размером с Цзи Саньмэя.

Удивлённый, он подошёл и откинул одеяло.

Цзи Саньмэй, похоже, ослеплённый слишком ярким светом свечей в комнате, дрогнул длинными, словно у верблюда, ресницами, медленно приоткрыл глаза и, шевеля губами, объяснил причину своего проникновения в постель: «Замок... у дяди Шэня... Я не могу запереть дверь... вещи пропадут».

Он не лгал. В его объятиях покоилось всё его нехитрое имущество.

Шэнь Фаши рассмеялся и присел на край ложа.

Малыш говорил связно и с такой обольстительной грацией, что можно было усомниться, не притворяется ли он спящим.

«...Дядя Шэнь, я буду греть вашу постель, так что завтра угостите меня затяжечкой».

...Не только связно, но и умеет торговаться.

Вот уж точно Цзи Саньмэй, бесстыдно величающий себя «способным соблазнять даже во сне».

Шэнь Фаши молча смотрел на него, ладонью поглаживая его лоб, и принялся застёгивать пуговицы на рубахе.

Пока он возился с застёжками, ребёнок снова погрузился в сон.

Шэнь Фаши лёг рядом, бережно обнял его и, лёгкий как пушинка, коснулся губами его мочки: «...В этот раз ты не сбежишь».

Авторская заметка:

Саньмэй: Некое божественное провидение привело меня на твою кровать.

Фаши: А это провидение не говорило тебе, что так можно угодить под каток?

Цзи Саньмэй таким образом прочно обосновался в келье Шэнь Фаши.

Чанъань, не понимая всех тонкостей, решил, что Цзи Саньмэй просто больше тянется к наставнику, и потому несколько дней подряд сидел на ступеньках, печально жуя что-то и тихо роняя листья утун.

А понявший все скрытые намёки Ван Чуаньдэн наедине сказал Шэнь Фаши: «Губернатор, по законам Юньяна за блудодеяние с отроком полагается пятьдесят ударов палками и ссылка».

Шэнь Фаши осознал, что подчинённые в последнее время становятся всё менее управляемыми.

Он отложил учётные книги и взглянул в сторону: Цзи Саньмэй сидел в густой тени дерева с курительной трубкой, а Чанъань, уткнувшись, возился с чем-то рядом.

Шэнь Фаши захлопнул книги: «Позови его».

«Он» мог быть только Цзи Саньмэем. Ван Чуаньдэн, приняв приказ, вышел.

Чанъань, сидевший снаружи, украдкой поглядывал на губы Цзи Саньмэя и белый дымок, струящийся из его рта. После долгого молчания он наконец набрался смелости и нарушил тишину: «Не кури это, плохо пахнет».

К его величайшему изумлению, Цзи Саньмэй, услышав это, не вступил в разговор, а лишь извиняюще кивнул и отошёл с трубкой подальше.

Чанъань: «...»

Я что-то не так сказал?

Чанъань, поразмыслив, решил, что был излишне резок. Поэтому он настойчиво последовал за Цзи Саньмэем, пытаясь исправить оплошность: «...Но если это куришь ты, то запах приятный».

Цзи Саньмэй, зажав трубку, с неизменной улыбкой ответил: «Спасибо».

Убедившись, что милый младший брат не обиделся, Чанъань продолжил продвигать свою идею: «Но эти листья не сравнятся с листьями утун».

Дабы подтвердить свои слова, он обратил левую руку в изумрудную ветвь утун и принялся ею шуршать перед Цзи Саньмэем: «Младший брат, если нужно, я тебе оборву».

Цзи Саньмэй, во-первых, не был овцой и не имел привычки жевать листву, а во-вторых, искренне считал, что обрывать листья с древесного духа — жестоко, поэтому он вежливо отказался: «Спасибо, старший брат, но табачные листья меня вполне устраивают».

Становилось ясно, насколько одинок был Чанъань: ради беседы он готов был даже на членовредительство.

Цзи Саньмэй почувствовал приступ сострадания и уже собрался, докурив, как следует поболтать с Чанъанем, как вдруг к нему протянулся трепещущий бумажный цветочек.

Увидев этот цветок, Цзи Саньмэй так и замер с затяжкой, забыв выдохнуть дым.

Форма цветка была самой заурядной, но использовать для его создания банкноту в тысячу лян — для такого требовалась изрядная смелость.

Чанъань возился с этим с самого начала и, увидев, что Цзи Саньмэю, похоже, понравилось,

расплылся в улыбке, нежной как вода: «Дарю тебе цветочек».

Что касается расточительного материала для поделки, Чанъань почтительно пояснил: «Наставник учил меня не рвать книги и свитки, но я обыскал всю комнату и не нашёл лишней бумаги, только пачку этих. ...Я выбрал самый большой лист, как раз хватило».

Цзи Саньмэй, принимая цветок, искренне произнёс: «Старший брат Чанъань, если ты когда-нибудь полюбишь какое-нибудь дерево, подари ей несколько таких цветков — и жена тебе обеспечена».

Глаза Чанъаня загорелись: «Правда?»

Не успев как следует разговориться, они увидели приближающегося Ван Чуаньдэна: «Саньмэй, губернатор зовёт тебя».

Цзи Саньмэй, повинувшись, поднялся, подобрал с земли упавший лист утуна в форме сердца и помахал им Чанъаню.

Глаза Чанъаня загорелись ещё ярче: «Ты будешь курить это? Очень вкусное».

Цзи Саньмэй рассмеялся, швырнул тщательно сложенный Чанъанем цветок обратно ему в руки и сунул тот листок за пазуху: «...Это я пока придержу. Старший брат, когда зацветёшь, подари мне настоящий цветок».

<http://bllate.org/book/16281/1466124>